

Глава 30. Погребальные хроники (III)

Настал день похорон Хромого Чжана.

Рассвет еще не забрезжил, а у входа в хутун уже выстроилась вереница роскошных автомобилей. Все как один — угольно-черные, и на капоте каждого застыл скорбный цветок из белой бумаги. Улица замерла в суровом безмолвии.

Цинь Юэцзин и его товарищи с самого утра суетились в маленьком дворике Чжана. Проснувшиеся от шума соседи выходили из своих домов и, лишь увидев приготовления, понимали: старик из углового дома ушел навсегда. До них и раньше доходили слухи, что Старейшина Чжан — мастер старинного искусства сяньшэн, и что у него есть двое преданных учеников.

Глядя на ряды дорогих машин, соседи лишь качали головами. Старик уходил достойно. Несмотря на то, что родни у него не осталось, ученики оказались на редкость почтительными и заботливыми. Люди подходили, предлагали помощь, но Цинь Юэцзин лишь вежливо благодарил, отвечая, что друзей приехало много и рук хватает.

От самого порога дома до выезда из переулка на землю легла дорожка из белой мешковины. Ду Шаоюань и остальные, облаченные в строгое черное, замерли в ожидании.

Наконец из дверей вышли Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян, одетые в траурные одежды из грубого холста. Юэцзин бережно прижимал к груди глиняный таз, до краев наполненный пеплом сожженных за эти дни ритуальных денег. Чэньян нес на плече высокий белый шест с призывным стягом — «Проводник души на пути в Западный рай».

Ступив на белую ткань, они медленно двинулись вперед. Следом шли Ху Чжунфа с женой и детьми, на чьих поясах также были повязаны белые траурные ленты.

Изначально ученики говорили Ху Чжунфа, что траур наденут только они двое. Но тот настоял, чтобы и его семья облачилась в холст.

— У старика никого нет, кроме нас. Значит, мы и есть его семья. Как бы там ни было, он спас меня, он мой благодетель. Я обязан почтить его память как подобает.

Зная о давней связи между Чжунфа и их наставником, ребята не стали возражать.

Процессия из шести человек медленно дошла до края хутуна. Там они опустились на колени. Лица их были серыми от горя и торжественности момента.

Внезапно Цинь Юэцзин вскинул глиняный таз над головой и выкрикнул, срывая голос:

— Учитель, доброго вам пути!

Раздался звонкий удар — таз разлетелся вдребезги. Все шестеро коснулись лбами земли, а когда выпрямились, тишину переулка разорвал надрывный плач.

По нынешним временам такие церемонии стали редкостью. Традиции с разбиванием чаш и погребальными знаменами сохранились разве что в глухих деревнях. Но Ху Чжунфа рассудил иначе: Хромой Чжан всю жизнь отдал традиционному искусству, он прожил восемьдесят четыре года и наверняка оценил бы верность старым обычаям. Так наставник уходил бы по-настоящему величественно.

Юэцзин и Чэньян были согласны на всё, лишь бы проводить учителя со всеми почестями.

В предрассветных сумерках их плач взмывал к небу, словно пытаюсь удержать ускользающую душу дорогого человека.

Внезапно небо над ними содрогнулось: ослепительный луч вспорол густую мглу, заливая всё вокруг странным, призрачно-белым светом. Ошеломленные люди вскинули головы, но сияние исчезло так же быстро, как и появилось. Небо снова стало серым и мрачным, будто всё это было лишь массовым видением.

Присутствующие застыли в суеверном трепете. Поползли шепотки: неужели это знак? Ведь поговаривали, что Хромой Чжан в молодости был настоящим даосским мастером...

Ху Чжунфа первым пришел в себя. Он быстро сложил ладони в молитвенном жесте и зашептал:

— Старейшина явил свою милость... Доброго пути вам, мастер!

Юэцзин и Чэньян переглянулись. В глазах обоих читалось глубокое потрясение, но они быстро смахнули слезы. Время не ждало — наступал час прощания.

Сборы были недолгими. Ху Чжунфа распорядился убрать осколки и помог парням сесть в машину. Ду Шаоюань и остальные тоже заняли свои места. Огромный кортеж, сверкая лаком, торжественно двинулся в сторону городского крематория.

Это зрелище приковало взгляды всех случайных прохожих. «Кого же это хоронят с таким размахом?» — гадали люди.

«Инфинити», «Кадиллаки», «Ламборгини»... Если бы не белые цветы на решетках радиаторов, процессию можно было принять за парад элитного автоклуба.

Благодаря раннему часу дороги были пусты, и вскоре они добрались до мемориального

комплекса на окраине.

Едва Ху Чжунфа вошел внутрь во главе целой толпы людей в черном, сотрудники крематория невольно попятнулись. Вид у пришедших был такой внушительный, что их легко можно было принять за банду, явившуюся на разборки.

Выяснив, где находится забронированный зал прощания, Чжунфа отправил туда гостей. Сам же вместе с Юэцзином и Чэньяном поспешил в траурный покой, чтобы в последний раз взглянуть на наставника.

Старик лежал на стальном ложе, отрешенный и одинокий. Глядя на него, ребята снова не выдержали — слезы сами покатались по щекам.

Удивительно, но даже спустя три дня после смерти лицо Хромого Чжана оставалось свежим, с легким румянцем, словно он просто крепко спал. Однако в полумраке морга, под мертвенным светом ламп, убитые горем мужчины не придали этому значения.

Бросив последний взгляд, они вышли. Ху Чжунфа на ходу объяснял порядок действий: сейчас начнется гражданская панихида, а после тело отправят в печь. Как только церемония завершится, они заберут прах и отвезут его к месту захоронения.

Юэцзин и Чэньян лишь кивали, без конца благодаря Ху за помощь. Тот молча похлопал их по плечам.

В зале прощания уже яблоку негде было упасть. Помещение утопало в венках и живых цветах. В центре, в окружении белоснежных лилий, стоял черно-белый портрет: старик на фото лукаво улыбался, словно над чем-то посмеивался.

Венки прислали все: Ду Шаоюань с друзьями, Лили, Хэ Ифань и многочисленные фанаты, которые обожали слушать их выступления в ночном клубе. Все они сегодня были здесь.

Панихида началась.

Распорядитель в строгом костюме взял микрофон и начал церемонию. Присутствующие склонили головы в минуте молчания.

Когда пришло время зачитывать некролог, Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян вышли вперед. Юэцзин жестом попросил микрофон. Распорядитель, опешив от такого нарушения протокола, послушно отдал его.

Юэцзин не спешил начинать. Он медленно обвел взглядом зал.

На похоронах не было ни одного коллеги по цеху сяньшэн. Они знали, что имя их учителя в этом мире давно стерто из памяти, а старые обиды и клевету уже не смыть — слишком много воды утекло. Но для них двоих наставник был дороже отца.

Здесь не было «официальных лиц», зато были настоящие друзья. И этого было более чем достаточно.

— Спасибо всем, кто пришел сегодня проводить нашего учителя, — голос Юэцзина звучал твердо. — Мы не хотим зачитывать скучные речи. Мы расскажем о его жизни так, как он сам бы того пожелал.

Цзян Чэньян, словно прочитав его мысли, выхватил из-за пояса бамбуковые трещотки-куайбань.

Распорядитель вытаращил глаза. Неужели они собрались исполнять юморески на похоронах?!

Но прежде чем он успел вставить хоть слово, Чэньян начал выбивать четкий, звонкий ритм. Под этот сухой стук Юэцзин заговорил, и перед глазами слушателей начала разворачиваться история целой жизни:

— Жил-был малец, сирота при дороге,

То наставник мой был, Хромой Чжан!

Одарен был умом, да в лохмотьях ходил,

Пока мастер один его не приютил.

Да судьба лихая, зависть черная —

Клевета врагов, ложь позорная!

Изгнан был из школы, всеми брошен,

В мир чужой ушел, горем скошен.

Но наставник мой — духом каменным,

На Гору Чистого Духа он ушел с сердцем пламенным!

Там, в святых местах, у бессмертных учился,

Мастерством небес навсегда облечился!

В юности лихой злу преграды ставил,

Слабых защищал, правду славил!

В зрелости своей тайны гор вскрывал,

В Бессмертный дворец путь прокладывал!

Под конец пути — дар от неба получил,

Нас двоих, балбесов, делу обучил!

Проводы его — небеса сияют,

Знатные друзья гроб сопровождают!

Вся его судьба — в смехе да в прощенье,

Принимайте, люди, наше подношенье!

Пусть богатство и удача в каждый дом войдут,

А беды и печали — стороной пройдут!

— Хорошо-о-о! — не выдержав, выкрикнул кто-то из толпы, подхваченный азартом выступления. За ним в унисон выдохнул весь зал. Даже распорядитель, забыв о приличиях, восторженно кивнул.

Этот выдох одобрения, казалось, сотряс стены, провожая вольную душу Хромого Чжана в лучший мир.

Пока в главном зале гремела панихида, в техническом блоке готовили тело к кремации.

Дежурный кочегар, увидев очередного покойника — на этот раз старика в традиционном китайском халате-дагуа, — лишь хмыкнул от любопытства.

— С этим будь повнимательнее, за него просили серьезные люди, — шепнул коллега, незаметно вкладывая в руку кочегара пухлый конверт.

Тот мгновенно оценил вес «благодарности» и понимающе кивнул:

— Не беспокойся, сделаю всё по высшему разряду.

Коллега укатил пустую каталку. Снаружи ждала целая очередь, работы сегодня было невпроворот.

Кочегар в отличном настроении даже подмигнул телу Чжана:

— Не бойтесь, дедуля, сейчас я вас отправлю в последний путь с ветерком!

В помещении было тесно от каталок, ожидающих своей очереди. Работа кипела. Кочегар задвинул очередной гроб в печь и на мгновение отвернулся к пульту.

Когда же он снова посмотрел на железное ложе, где лежал «старик с влиятельными связями», у него подкосились ноги.

Ложе было пустым.

Кочегар замер, вытаращив глаза. Труп... исчез.

В углу сиротливо стояла голая стальная кровать.

Холодный пот мгновенно прошиб мужчину. Он проработал здесь больше двадцати лет, повидал всякое, но чтобы такое...

В первые годы работы он еще побаивался всяких баек о призраках, но за десятилетия практики не встретил ни одного привидения. И вот, середь бела дня, на него навалилась настоящая жуть.

Может, он забыл и уже отправил его в печь? Нет, исключено! Он ведь только что видел его здесь!

Сердце кочегара бешено колотилось. Несмотря на жар от печей, его била крупная дрожь. В кремационной камере не было камер наблюдения, но даже если бы они были, он побоялся бы в них заглядывать.

Коллега ясно сказал: у старика за спиной стоят большие люди. Если вскрыется, что тело пропало, ему не жить. Да и конверт в кармане жег бедро...

Сжав зубы, кочегар принял решение. Чего бы ему это ни стоило, об этом никто не узнает.

— Скрою... Придется всё скрыть, — пробормотал он дрожащими губами.

Кое-как поднявшись на ватных ногах, он продолжил работу, делая вид, что ничего не произошло. В голове крутилась только одна мысль: завтра же, первым делом, нужно идти в храм и вымолить прощение у всех богов сразу.

<http://bllate.org/book/17504/1659849>